ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

FOREIGN EXPERIENCE

УДК 343.6:343.915(430+470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/170-179

О. А. Зигмунт¹

Университет Фехта, г. Фехта, Германия

E-mail: olga.siegmunt@uni-hamburg.de

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ: РАЗЛИЧИЯ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

Аннотация. Изучению жестокости и агрессии несовершеннолетних уделяли внимание многие учёные, которые полагают, что основной потребностью лиц, виновных в совершении насильственных преступлений, выступает защита от агрессии среды, в которой находится ребёнок. По мнению других учёных, в случаях преступного поведения несовершеннолетних на первый план выступают потребности в общении, в социальном признании, в безопасности, в сохранении и повышении своего престижа или статуса, в лидерстве. Существует много факторов, имеющих большой потенциал для объяснения насилия среди молодежи. К ним относятся социально-демографические факторы, такие как пол или тип школы, социально-экономическая ситуация семьи, как, например, безработица, социализация в семье, личное отношение к насилию, самоконтроль или так называемые нормы мужественности. Эти факторы не объясняют различий в насилии между подростками разного происхождения: в данном исследовании – несовершеннолетних в России и Германии. В России выборка составляла 1 747, а в Германии 7 238 школьников 9-х классов. Опрашивались учащиеся 9 классов, а приведённый ниже анализ основан на данных этого исследования за 1999 г. В Германии исследование проводилось в Гамбурге, Ганновере, Лейпциге и Мюнхене, в России – в Волгограде. Методология опроса, структура выборки, временные исследовательские периоды и подготовка данных

¹ Ольга Александровна Зигмунт, PhD, доцент факультета образовательных и общественных наук Университета Фехта, г. Фехта, Германия.

Для цитирования: Зигмунт О. А. Насильственная преступность несовершеннолетних в Германии и России: различия и факторы влияния // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 3. С. 170–179.

были идентичными в обеих странах. Выводы в статье предлагают иной взгляд на проблему, построенный на основе сравнительного анализа её состояния в двух названных государствах.

Ключевые слова: насилие, несовершеннолетние, преступность, Россия, Германия, криминология, уголовное право, причины преступности, личность несовершеннолетнего преступника.

Olga Siegmunt¹

University of Vechta, Vechta, Germany

E-mail: olga.siegmunt@uni-hamburg.de

JUVENILES' VIOLENT CRIME IN GERMANY AND RUSSIA: DIFFERENCES AND FACTORS OF INFLUENCE

Abstract. Many scientists have paid their attention to the study of juveniles' cruelty and aggression. Some of them believe that the main need of perpetrators of violent crimes is protection against the danger of environment where the child lives. According to other scholars, the need for communication, social recognition, security, preservation and enhancement of one's prestige or status, or leadership are the most important in cases of juvenile delinquency. There are many factors that have great potential to explain violence among young people. There are socio-demographic factors, such as gender or type of school; the socio-economic situation of the family, such as unemployment; family socialization; attitude to violence; self-control or the so-called norms of masculinity. These factors fail to explain the differences in violence between adolescents from different backgrounds: this study involves juveniles in Russia and Germany. The sample includes 1 747 9th-grade students in Russia, and 7 238 in Germany. The students were surveyed, and the analysis below is based on the data from this study for 1999. The research was conducted in four German cities – Hamburg, Hannover, Leipzig and Munich, in Russia – in Volgograd. The survey methodology, sampling structure, reference periods and data preparation were identical in both countries. The conclusions of this study suggest a different view of the problem, based on the comparative analysis in the two countries – Russia and Germany.

¹ Olga A. Siegmunt, PhD, Associate Professor at the Faculty of Educational and Social Sciences University of Vechta, Vechta, Lower Saxony, Germany.

For citing: Siegmunt O. A. Juveniles' violent crime in Germany and Russia: differences and factors of influence // Asia-Pacific RIM: Economic, Politics, Law. 2018. № 3. P. 170–179.

Keywords: violence, juveniles, crime, Russia, Germany, criminology, criminal law, causes of crime, personality of the juvenile offender.

В ряде немецких исследований уже изучались молодёжное насилие и факторы, способствующие ему или предотвращающие его [2; 7; 8; 9; 16; 17; 18]. Одним из таких исследований является опрос школьников, проведенный Криминологическим исследовательским институтом Земли Нижняя Саксония в 1999–2000 гг. Опросы проводились в нескольких городах Германии и за рубежом (в том числе и в России). Опрашивались учащиеся 9 классов, а приведённый ниже анализ основан на данных этого исследования за 1999 г. В Германии исследование проводилось в Гамбурге, Ганновере, Лейпциге и Мюнхене, в России – в Волгограде. Методология опроса, структура выборки, временные исследовательские периоды и подготовка данных были идентичными в обеих странах.

Выборка. Общая выборка составляла 8 985 человек и состояла из двух групп, образованных на основе национального происхождения семьи: коренные немцы (7 238 опрошенных) и подростки, проживающие в Волгограде (1 747 опрошенных). Волгоградская выборка содержала данные о школьниках в возрасте от 13 до 16 лет; в Германии с 13 до 18 лет. 54,7% всех респондентов в российской выборке были женского пола. В выборке коренных немцев это было 49,7%.

Образование. Школьные системы в Германии и России не сопоставимы напрямую. Поэтому лучше сравнить количество респондентов, посещающих среднеобразовательную школу и посещающих лицей или гимназию [8, с. 21ff.], которые сведены в одну группу и для простоты называются гимназия [7, с. 78–79; 8, с. 22]. К другим формам школы в Германии относятся все остальные, кроме гимназии, формы, в России – это средние общеобразовательные школы. В Германии доля учащихся, посещающих гимназию, равна 39,4%, это выше, чем в России, где количество гимназистов и лицейстов составляет 33,2%.

Профессиональный статус родителей. Профессиональный статус родителей должен отражать как уровень их образования, так и их доход. Профессиональный статус родителей определяется по специальной классификации, разработанной Ганцебум и коллегами [3], и включает такие компоненты, как наличие аттестата об окончании школы, наличие профессионального образования и вид трудовой деятельности в настоящий момент для обоих родителей [7, с. 134–135; 13]. Сравнение российских и немецких данных не показало существенных различий в профессиональном статусе семей.

Социально-экономическая ситуация семей. Школьникам задавали следующие вопросы: получают ли их родители социальную помощь? получают ли они сами социальную помощь? являются ли их мать или отец безработными в настоящее время? Из этих трёх переменных был сформирован показатель социально-

экономической депривации семей: зависимость семьи от социальной поддержки. В выборке российской молодежи почти треть (29,6%) всех респондентов живут в социально неблагополучных семьях, т.е. либо они сами, либо их родители являются безработными или получают социальную помощь, тогда как в Германии эта группа включает только одну десятую (10,3%) всех респондентов.

Насилие в детстве со стороны родителей. Опыт насилия в детстве является важным фактором в объяснении насильственной преступности в подростковом возрасте [8; 14; 15]. Русская и немецкая версии анкеты содержали вопросы о насильственных действиях родителей: Моя мама / мой папа ... (1) шлёпнули меня; (2) схватили или сильно толкнули меня; (3) бросили в меня предметом; (4) ударили меня предметом; (5) избили меня; (6) били меня кулаком или пинали. Вопросы задавались отдельно для матери (или опекуна женского пола) и отца (или опекуна мужского пола). Варианты ответов по шкале варьировались от 1 (никогда) до 2 (редко) и от 3 (иногда) до 4 (часто). После преобразования ответов были сформированы три категории: «не подвергались физическому наказанию», «подвергались физическому наказанию» и «подвергались жестокому обращению» [8]. В России в целом меньше жертв насилия со стороны родителей, но зато уровень жестокого обращения там значительно выше (в России: 55,4% «не подвергались физическому наказанию», 39,8% «подвергались физическому наказанию» и 4,8% «подвергались жестокому обращению»; в Германии: 52,4% «не подвергались физическому наказанию», 43,8% «подвергались физическому наказанию» и 3,8% «подвергались жестокому обращению»). В обеих странах чуть больше девочек, чем мальчиков, подвергаются физическому наказанию родителей. С другой стороны, мальчики чаще подвергаются жестокому обращению со стороны родителей (в России: 55,2% девочек и 55,7% мальчиков «не подвергались физическому наказанию», 41,2% девочек и 37,9% мальчиков «подвергались физическому наказанию» и 3,6% девочек и 6,5% мальчиков «подвергались жестокому обращению»; в Германии: 51,9% девочек и 52,8% мальчиков «не подвергались физическому наказанию», 44,8% девочек и 42,9% мальчиков «подвергались физическому наказанию» и 3,3% девочек и 4,3% мальчиков «подвергались жестокому обращению»).

Установки по отношению к насилию. Школьникам были представлены девять вопросов на тему насилия, например, «Немного насилия просто необходимо, чтобы получать удовольствие» или «Путём насилия молодежь по-настоящему выясняет отношения, взрослые же только занимаются болтовней» [8]. Шкала варьировалась от 1 (не согласен) до 4 (полностью согласен). Для анализа значения шкалы были преобразованы в значения от 0 до 100. Все задаваемые вопросы делятся на две группы, которые представляют собой инструментальное и неинструментальное насилие. Инструментальное насилие проявляется, например, в использовании физической силы в целях присвоения ценных вещей или в качестве атрибута власти.

В данном случае у насилия есть цель, которая выходит за рамки простого применения силы, т.е. сила используется как инструмент для достижения отдалённых целей. Примером этому является высказывание «Это нормально, когда мужчины в физической борьбе друг с другом хотят доказать, на что они способны» или «Когда я должен показать, на что я способен, я тоже применю силу». Неинструментальное насилие является простым применением силы без отдалённой цели. Целью насилия часто является удовлетворение самого акта насилия, например, «Без насилия всё было бы гораздо скучнее». Установки по отношению к насилию в целом выше у российских школьников (среднее значение 34,84), чем у немцев (среднее значение 28,63). При этом раздельное рассмотрение инструментальных и неинструментальных установок вполне оправдано. Так инструментальные установки к насилию в России выше (среднее значение 46,34), чем в Германии (среднее значение 33,59). А неинструментальные установки к насилию выше в Германии (среднее значение 18,77), чем в России (среднее значение 11,99). Существующие различия по половому признаку идентичны в обеих странах: по всем категориям установки, принимающие физическое насилие, выше у юношей, чем у девушек.

Нормы мужественности, легитимирующие насилие. Для объяснения культурных различий в насилиии была разработана концепция норм мужественности, легитимирующих насилие, в основе которой находится концепция культуры чести, разработанная Нисбеттом и Коэном [6]. Согласно Нисбетту и Коэну, в обществах, где существует культура чести, существует желание использовать физическую силу для наказания за нанесение ущерба личной репутации или чести. Такие культуры, в которых насилие стало позитивно оцениваемым фактором силы в социальных взаимодействиях, развивались, в частности, «там, где государственная правовая система была слабо развита и жители были самостоятельны в своей защите» [14, с. 174]. Российское общество пострадало в 1990-х годах от сильных трансформационных процессов и ослабления государственных и гражданских институтов. В результате доверие к государственным институтам было ослаблено. Для своей защиты молодые люди полагались меньше на полицию, а больше на себя. В качестве индикатора слабого уровня доверия правоохранительным органам выступает, например, уровень подачи заявлений в полицию о совершённом преступлении, который был в это время достаточно низким у российских подростков [8, 9, 16]. Следовательно, следует ожидать, что уровень норм мужественности выше у российских молодых людей, чем у коренных немцев. Анкета содержала шкалу из семи высказываний, предназначенных для установления уровня нормы мужественности, легитимирующей насилие, у респондентов, например: «Если мужчина не готов применить насилие, чтобы защититься от оскорбления, то он – слабак или «Если жена изменяет мужу, то ему можно её бить». Варианты ответов по шкале в немецкой анкете варьировались от 1 (категорически не согласен) до 4 (полностью согла-

сен); в русской анкете – от 1 (не согласен) до 5 (полностью согласен). Для дальнейшего анализа значения обеих версий были преобразованы в значения от 0 до 100. Нормы мужественности, легитимирующие насилие, гораздо более выражены среди подростков в России (среднее значение 44,76), чем среди немецких подростков (среднее значение 26,49). Результаты анализа подтверждают выводы других авторов [1, 2] о том, что в группах с более выраженной культурой чести не только мужчины, но и женщины придерживаются мнения, что мужчины должны защищать себя и свою честь при помощи силы. Так, нормы мужественности были у российских девушек (среднее значение 39,20) и юношей (среднее значение 51,46) выше, чем у немецких (средние значения соответственно: 18,77 и 34,12).

Самоконтроль. Самоконтроль является личностной характеристикой, которая имеет решающее значение для совершения правонарушений [7]. В теории Готфредсона и Хирши [4] концепция низкого самоконтроля сформулирована как основная причина преступного и отклоняющегося поведения. Люди с низким уровнем самоконтроля импульсивны, безразличны, спонтанны, предпочитают физическую, а не умственную деятельность, риск и более заинтересованы в простых, а не сложных задачах [4, с. 90; 5]. На основе шкалы самоконтроля, разработанной Грасмиком и коллегами [5], первоначально были сформулированы 24 вопроса. Шкала «самоконтроль» включала шесть различных факторов: импульсивность, предпочтение простых задач, риск, предпочтение физической активности, эгоцентричность, темперамент. Наше исследование содержало в общей сложности 19 вопросов, например: «Я действую спонтанно, недолго думая» или «Волнующие приключения для меня важнее безопасности» [8]. Шкала в российской анкете варьировалась от 1 (никогда) до 5 (почти всегда); в немецкой – от 1 (не согласен) до 6 (полностью согласен). Поэтому для дальнейшего анализа значения обеих версий были преобразованы в значения от 0 до 100. Среднее значение по общей шкале составляет 54,69 для немцев и 55,36 для российских подростков. Различия по общей выборке незначительны и ими можно пренебречь. Зато гендерные различия достаточно значимы. Самоконтроль среди русских юношей и девушек одинаков, а у немецких девушек он намного выше, чем у юношей.

Самоотчёты о преступности: инструментальное и не инструментальное насилие. Несовершеннолетним был предложен список различных правонарушений, в которых задавался вопрос о том, совершали ли они когда-либо соответствующие преступления в течение жизни (life prevalence; распространённость в течение жизни), и, если да, то сколько раз за последние двенадцать месяцев (last year incidence; частота в течение последнего года). На основании частоты случаев за последний год были установлены данные о распространённости за последние 12 месяцев. Задавались вопросы по четырём насильственным преступлениям: нанесение телесных повреждений без оружия, угроза оружием, грабёж и вымогательство, которые впоследствии были объединены в переменную «насильственные преступления». Кроме того, эти преступления делятся

на две группы: инструментальные и не инструментальные. Так называемые инструментальные акты насилия, такие как грабёж и вымогательство, связаны с присвоением ценных вещей под угрозой или с применением силы. С другой стороны – так называемые не инструментальные насильственные преступления. К ним относится нанесение телесных повреждений, которое, обычно, мотивируется желанием кого-то побить либо демонстрацией превосходства. Больше русских, чем немецких подростков совершали грабёж или вымогательство. При этом больше немецких подростков, чем россиян, нанесли телесные повреждения без оружия.

Основные результаты: многофакторный анализ. Для многофакторного анализа были выбраны переменные, о которых известно из предыдущих исследований, что они имеют высокий потенциал для объяснения преступности несовершеннолетних [7; 8; 9; 13; 16; 17]. В данном исследовании это образование, профессиональный статус родителей, социально-экономическая ситуация семьи, насилие в детстве со стороны родителей, установки по отношению к насилию, нормы мужественности, легитимирующие насилие, самоконтроль и, конечно же, место проживания (Россия или Германия). Основным выводом этого исследования является то, что различия трёх из четырёх исследуемых видов насильственной преступности по месту проживания сохраняются и после контроля других переменных. А это нанесение телесных повреждений без оружия, грабёж и вымогательство. Уровень угрозы оружием не различался у российских и немецких школьников и до анализа многофакторных моделей. Такой результат был получен несмотря на то, что для анализа были выбраны только такие факторы, которые были известны из предыдущих исследований как факторы с высоким объясняющим потенциалом. После проведённого анализа очевидно, что помимо используемых здесь традиционных факторов преступности несовершеннолетних существуют и иные, связанные с культурой той среды и того общества, в которых проживают подростки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Enzmann, D. Männlichkeitsnormen und die Kultur der Ehre. Empirische Prüfung eines empirischen Modells zur Erklärung erhöhter Delinquenzraten jugendlicher Migranten / D. Enzmann, K. Brettfeld, P. Wetzels // Soziologie der Kriminalität / hrsg.: O. Dietrich, S. Karstedt. – Köln, 2004. – S. 264–287. – (Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie ; Sonderhefte 43).
2. Was scheren mich die anderen? Marktmoral als kriminogener Faktor: Eine Studie zu Jugendkriminalität in Russland und Deutschland / D. Enzmann, I. Kammigan, O. Siegmunt, P. Wetzels. – Berlin : Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2016. – 237 s.
3. A standard international socio-economic index of occupational status / H. B. G. Ganzeboom, P. M. de Graaf, D. J. Treiman, J. de Leeuw // Social Science Research. – 1992. – Vol. 21. – P. 1–56.

4. Gottfredson, M. R. A General Theory of Crime / M. R. Gottfredson, T. Hirschi. – Stanford : Stanford University Press, 1990. – 316 p.
5. Testing the core empirical implications of Gottfridson and Hirschi's general theory of crime / H. G. Grasmick [et al.] // Journal of Research in Crime and Delinquency. – 1993. – Vol. 30 (1). – P. 5–29.
6. Nisbett, R. E. Culture of honor: The psychology of violence in the South / R. E. Nisbett, D. Cohen. – Boulder, CO : Westview Press, 1996. – 137 p.
7. Siegmunt, O. Selbstkontrolle: Einflüsse von Familie, Schule und Nachbarschaften. Eine kontrolltheoretische Studie in drei russischen Großstädten / O. Siegmunt. – Berlin : Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2012. – XIV, 307 s.
8. Siegmunt, O. Kriminelle Russen, kriminelle Deutsche: Zur jugendkriminalität im hell- und dunkelfeld / O. Siegmunt. – Berlin : Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2013. – 165 s.
9. Siegmunt, O. Mit Vorsicht zu genießen! Zur aussagekraft von kriminalstatistiken und zum anzeigeverhalten jugendlicher in Deutschland und Russland // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. – 2013. – Vol. 96 (6). – S. 461–476.
10. Siegmunt, O. Mediating role of social disorganization: a case study of Russian neighborhoods // Journal of Criminal Investigation and Criminology. – 2015. – Vol. 66, iss. 4. – P. 342–352.
11. Siegmunt, O. Neighborhood disorganization and social control: case studies from three Russian cities / O. Siegmunt. – Springer. SpringerBriefs in Criminology, 2016. – 82 p.
12. Siegmunt, O. Institutional anomie theory – empirical testing / O. Siegmunt, P. Wetzels // Sotsiologicheskije issledovaniya. – 2015. – Vol. 42, iss. 4. – P. 78–87.
13. Siegmunt, O. Social values and delinquency of Russian youth / O. Siegmunt, P. Wetzels // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. – 2017. – Vol. 41, iss. 3. – P. 211–230.
14. Jugend und gewalt. Eine repräsentative dunkelfeldanalyse in München und acht anderen deutschen Städten / P. Wetzels [et al.]. – Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 2001. – 305 p.
15. Jugendliche in Deutschland zur Jahreswende: gefährlich oder gefährdet? Ergebnisse wiederholter, repräsentativer Dunkelfelduntersuchungen zu Gewalt und Kriminalität im Leben junger Menschen (1998–2000) / N. Wilmers [et al.]. – Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 2002. – 369 s.
16. Зигмунт, О. А. Преступники и потерпевшие от насильственных преступлений: исследование латентной преступности несовершеннолетних // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 1 (23). – С. 106–116.
17. Зигмунт, О. А. Миграция, интеграция и преступность: мировой исследовательский опыт // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 1 (45). – С. 133–137.

18. Зигмунт, О. А. Преступность несовершеннолетних в России и Германии: роль современной семьи // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. : Юриспруденция. – 2018. – № 4. – С. 173–182.

REFERENCES

1. Enzmann D., Brettfeld K., Wetzels P. Männlichkeitsnormen und die Kultur der Ehre. Empirische Prüfung eines empirischen Modells zur Erklärung erhöhter Delinquenzraten jugendlicher Migranten. In: Dietrich O., Karstedt S., hrsg. *Soziologie der Kriminalität*. Köln, 2004, ss. 264–287. (Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie ; Sonderhefte 43).
2. Enzmann D., Kammigan I., Siegmunt O., Wetzels P. *Was scheren mich die anderen? Marktmoral als kriminogener Faktor: Eine Studie zu Jugendkriminalität in Russland und Deutschland*. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2016. 237 s.
3. Ganzeboom H.B.G., de Graaf P.M., Treiman D.J., de Leeuw J. A Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status. *Social Science Research*, 1992, vol. 21, pp. 1–56.
4. Gottfredson M.R., Hirschi T. *A General Theory of Crime*. Stanford: Stanford University Press, 1990. 316 p.
5. Grasmick H.G. et al. Testing the Core Empirical Implications of Gottfridson and Hirschi's General Theorie of Crime. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1993, vol. 30 (1), pp. 5–29.
6. Nisbett R.E., Cohen D. *Culture of Honor: The Psychology of Violence in the South*. Boulder, CO: Westview Press, 1996. 137 p.
7. Siegmunt O. *Selbstkontrolle: Einflüsse von Familie, Schule und Nachbarschaften. Eine kontrolltheoretische Studie in drei russischen Großstädten*. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2012. XIV, 307 s.
8. Siegmunt O. *Kriminelle Russen, kriminelle Deutsche: Zur Jugendkriminalität im Hell- und Dunkelfeld*. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2013. 165 s.
9. Siegmunt O. Mit Vorsicht zu genießen! Zur Aussagekraft von Kriminalstatistiken und zum Anzeigeverhalten Jugendlicher in Deutschland und Russland. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*, 2013, vol. 96 (6), ss. 461–476.
10. Siegmunt O. Mediating Role of Social Disorganization: A Case Study of Russian Neighborhoods. *Journal of Criminal Investigation and Criminology*, 2015, vol. 66, iss. 4, pp. 342–352.
11. Siegmunt O. *Neighborhood Disorganization and Social Control: Case Studies from Three Russian Cities*. Springer. SpringerBriefs in Criminology, 2016. 82 p.
12. Siegmunt O., Wetzels P. Institutional Anomie Theory – Empirical Testing. *Sociologicheskije Issledovaniya*, 2015, vol. 42, iss. 4, pp. 78–87.

13. Siegmunt O., Wetzels P. Social Values and Delinquency of Russian Youth. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 2017, vol. 41, iss. 3, pp. 211–230.
14. Wetzels P. et al. *Jugend und Gewalt. Eine repräsentative Dunkelfeldanalyse in München und acht anderen deutschen*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2001. 305 p.
15. Wilmers N. et al. *Jugendliche in Deutschland zur Jahreswende: gefährlich oder gefährdet? Ergebnisse wiederholter, repräsentativer Dunkelfelduntersuchungen zu Gewalt und Kriminalität im Leben junger Menschen (1998–2000)*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2002. 369 s.
16. Zigmunt O.A. Prestupniki i poterpevshie ot nasil'stvennykh prestuplenii: issledovanie latentnoi prestupnosti nesovershennoletnikh [Criminals and victims of violent crime: a study of latent juvenile crime]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2013, no. 1 (23), pp. 106–116.
17. Zigmunt O.A. Migratsiya, integratsiya i prestupnost': mirovoi issledovatel'skii opyt [Migration, integration and crime: global research experience]. *Trudy Akademii upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, 2018, no. 1 (45), pp. 133–137.
18. Zigmunt O.A. Prestupnost' nesovershennoletnikh v Rossii i Germanii: rol' sovremennoi sem'i [Juvenile delinquency in Russia and Germany: the role of the modern family]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Yurisprudentsiya*, 2018, no. 4, pp. 173–182.